

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

Вторник, 7 июня 1988 г. № 68 (6480)

Газета Центрального Комитета КПСС

ЦЕНА 6 КОП.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ПЕРЕСТРОЙКА

**Встреча
Советской
культуры
с читателями
в Киеве**

Вопрос из зала: «Не остаются ли выступления газеты гласом вонзившего в пустыне? Не теряется ли их смысл, если после выступления вещи, называемые своими именами, остаются на прежних местах?»

Ответ редакции: «Не остаются. Напротив кому-то кажется, будто после каждого выступления газеты где-то обязательно должны рушиться балки, трескаться стены и т. п. Вам исключительный интерес к проблемам гласности и демократизма — огнитесь вокруг, ведь яблоко несет удачу! Ваша энергия и требовательность, на конец, даже то, что с таким горячим настроением вы не пришли бы на такую встречу еще год назад — разве во всем этом не видна частичка той работы, что делает газета?»

Мы уже сообщали о состоявшейся 17 мая в Киеве читательской конференции «Советской культуры» по теме «Интеллигенция и перестройка». Она продолжалась несколько часов и вызвала в городе большой общественный интерес.

Редакцию представляли заместитель главного редактора Г. Кондратенко, члены редкол-

легии Г. Терехова, Г. Дубасов, собкор по Украине О. Гусев и постоянные авторы газеты: доктор философских наук А. Бутенко, кинорежиссер С. Говорухин, доктор исторических наук Н. Попов, искусствовед В. Глезман.

На встрече приняли участие представитель Украинского фонда культуры, поэт Б. Олейник, первый секретарь правления Союза писателей УССР Ю. Мушкетик, секретарь Киевского обкома КП Украины Н. Донченко, писатели Е. Дудар, А. Мусиенко, композитор И. Карабиц, кинорежиссер, директор Кностинститута А. П. Довженко Н. Машинко, народный артист СССР А. Мокреко, секретарь правления СТД УССР В. Финенко, народный художник СССР Т. Яблонская, профессор Киевского университета И. Бражник, первый заместитель министра культуры УССР С. Колупян, заведующий отделом культуры Киевского горкома КПУ И. Заварзинский, заведующий отделом информации и международных связей (Черновицкая АЭС) А. Колевенко и другие.

Фрагменты некоторых выступлений и частные ответы на вопросы аудитории — на 4-й странице.

Фото В. Марущенко.

ЕСТЬ МНЕНИЕ!

О передаче «Когда воют солдаты» (ДТ, 4 влож.)

Ю. Доронина, Пенза:

— Убежден: эта передача позвала на экраны не только вояков-афганцев или их родных, но и всех, кто или лично прикоснулся к Афганистану в последние восемь лет. Здесь, в годы застоя туда рвались люди, которым дома не удавалось, что называется, расправить крылья. Они работали там, не жалея себя.

Передача в общем-то не о песнях — о судьбах, драматических и высохна. А песни помогают нам лучше осознать разнство этих судеб перед Родиной — будь то рядовой, генерал или солдатская мать...

О гуманизации законов Е. Бугрова, научный редактор НИИ, Москва:

— Поскольку наше общество хочет быть гуманным и стремится отменить смертную казнь, нельзя ли выработать такую меру наказания, как «пожизненное заключение» — с рассмотрением через 25 лет возможности вернуть человека (если он того заслуживает) обществу?

О бывших мало-сталинских лагерях

Т. Сухова, Москва:

— Во время телевизионной встречи с писателем А. Лихановым был затронут вопрос о необходимости учреждения союза бывших мало-сталинских лагерей. Считаю организацию такого союза долгом нашего

общества перед людьми, которые, будучи детьми, испытали ужасы лагерей смерти. Пусть они в своих правах будут приравнены к участникам трагедии. Очевидно, среди них есть и инвалиды, в таком случае они должны быть приравнены к инвалидам ВОВ.

Следует делать это еще и потому, что судьба таких детей после войны складывалась невпрост. В известной степени они были изгоем общества. Многим не удалось закончить десятилетки. Дороги в вузы им были заняты.

Думаю, сегодня самое время нашему обществу реабилитироваться перед ними.

общества перед людьми, которые, будучи детьми, испытали ужасы лагерей смерти. Пусть они в своих правах будут приравнены к участникам трагедии. Очевидно, среди них есть и инвалиды, в таком случае они должны быть приравнены к инвалидам ВОВ.

Следует делать это еще и потому, что судьба таких детей после войны складывалась невпрост. В известной степени они были изгоем общества. Многим не удалось закончить десятилетки. Дороги в вузы им были заняты.

Полученные средства можно направить на озеленение городов и сел. Думаю, такое решение позволит в какой-то мере компенсировать урон, нанесенный виновниками.

По рубрике дежурных А. ГАСПАРЯН и М. СИМОНОВА. Тел. 214-61-22.

КАЗАНЬ.

Праздник пушкинской лиры

Образ пушкинской «Русалки» воплотился в серии из ста рисунков ленинградской художницы Энгели Насибулиной. Работы, названные первой величайшим поэтом, представлены на выставке, открывшейся в Калининграде.

В основу произведения легла легенда, услышанная Пушкиным во время пребывания в тверской крае. Этим и объясняется особый интерес художницы Калининграда к графике художника, заполнившего на бумаге трагический образ преступницы девушки, о которой так вдохновенно написал поэт. На выставке экспонируются также иллюстрации к другим пушкинским произведениям, музею которого посвятил все свое творчество Насибулина — и «Евгению Онегину», «Борису Годунову», лирическим стихотворениям.

Знакомство с художницей Пушкининой стало одним из мероприятий Всесоюзного праздника поэзии, который начал свое шествие по Верхневолжью.

КАЛИНИНГРАД.

В мае получено 4.870 писем, в том числе 1.303 от членов на наш выступление.

«О гласности», «О перestroике» — значит в аннотациях, то и дело мелькает регистрационные нарочитых цифра XIX — это шлагбаум предстоящую партийную конференцию и свои мнения, и предложения читателей всех профессий, рангов, возрастов. Страна всколыхнулась — как часто прежде эти слова оставались лишь высокопарной фразой, не означавшей ничего. Но вот ведь идет действительно всколыхнувшаяся волна, идет по нарастающей. Наша газета широко представляет трибуну читателей практически в каждом номере.

«Я ленинградский рабочий, шлифовщик...» — пишет Алексей Николаевич Сошиков. — Мы устали от газетных недомолвок, намеков «сыны торжества», «берегите перестройку от противников». Вы что думаете, народ не понимает, что эти «сыны» и эти «противники» находятся не только внизу, но и повыше?» Москвичка Т. Сорокина возражает против практики встреч и проводов руководителей различного уровня: «Какое количество занятых людей в черных линзах мечтается в аэропорт и обратно. Зачем? И нужно ли все это давать по телевидению? Мы не проводим и встречи должны наблюдать, а знать, о чем думают наши руководители, в том исковы их политической позиции».

«Язык с художественной Пушкининой стало одним из мероприятий Всесоюзного праздника поэзии, который начал свое шествие по Верхневолжью.

«Увидел в № 58 новую рубрику «Земля тревоги наше» и вспомнил — это из письма туляка Л. Н. Курикова, — как в 1959 году я послал мои отрывки «Балтии». По тем временам популярна была книга о герое-подводнике. Я и на радиостудии «Круглый» его чуть ли не суть. И потому напал на передачу какого-то «голоса», где говорилось об опасности, нависшей над Аралом. Я, естественно, тогда не поверил...

Приятно было послушать, что впереди не было никаких преград...

«Я в 1961 году на строительстве Щекинского химкомбината от рабочих-итальянцев (!) вдруг узнаю, что ждет Ясную Полину, расположенную по соседству с национальным гигиентом индустрии. Я, естественно, тогда не верил...

Почему мы не в курсе, а там, «у них», такая осведомленность. Что, у нас нет учёных, министров нет организаторов производства, которые обязаны знать и предвидеть? Если не знали, то какая же им цена? А если знали и молчали, то это преступление».

Л. Нилькин, А. Клюкина, Л. Терехова и А. Старцева из Ижевска, отклинувшись на письма из архива Петра Леонидовича Капицы («СК» от 21 мая), воздают должное мужеству спасавшему нации советских ученых, попавших в беду, ставших жертвами произвола. И невольной перекличкой, красноречивым контрастом стало опубликованное в том же номере продолжение разговора, не вдаваясь в подробности.

Почему мы не в курсе, а там, «у них», такая осведомленность. Что, у нас нет учёных, министров нет организаторов производства, которые обязаны знать и предвидеть? Если не знали, то какая же им цена? А если знали и молчали, то это преступление».

«Начав читать материалы пресс-конференции, я сразу, на части, посвященной статье В. Горностаевой, я изумился первой же фразе этого выступления. Вы говорите: «Эта статья вызвала немножко и гнев всех членов Союза композиторов СССР».

«Увидел в № 58 новую рубрику «Земля тревоги наше» и вспомнил — это из письма туляка Л. Н. Курикова, — как в 1959 году я послал мои отрывки «Балтии». По тем временам популярна была книга о герое-подводнике. Я и на радиостудии «Круглый» его чуть ли не суть. И потому напал на передачу какого-то «голоса», где говорилось об опасности, нависшей над Аралом. Я, естественно, тогда не верил...

Почему мы не в курсе, а там, «у них», такая осведомленность. Что, у нас нет учёных, министров нет организаторов производства, которые обязаны знать и предвидеть? Если не знали, то какая же им цена? А если знали и молчали, то это преступление».

А из Минска написал Виктор Коньков, но обращается он прямо к секретарю ЦК КПСС К. С. Хатчатурян: «Начав читать материалы пресс-конференции, я сразу, на части, посвященной статье В. Горностаевой, я изумился первой же фразе этого выступления. Вы говорите: «Эта статья вызвала немножко и гнев всех членов Союза композиторов СССР».

«Увидел в № 58 новую рубрику «Земля тревоги наше» и вспомнил — это из письма туляка Л. Н. Курикова, — как в 1959 году я послал мои отрывки «Балтии». По тем временам популярна была книга о герое-подводнике. Я и на радиостудии «Круглый» его чуть ли не суть. И потому напал на передачу какого-то «голоса», где говорилось об опасности, нависшей над Аралом. Я, естественно, тогда не верил...

Почему мы не в курсе, а там, «у них», такая осведомленность. Что, у нас нет учёных, министров нет организаторов производства, которые обязаны знать и предвидеть? Если не знали, то какая же им цена? А если знали и молчали, то это преступление».

«Начав читать материалы пресс-конференции, я сразу, на части, посвященной статье В. Горностаевой, я изумился первой же фразе этого выступления. Вы говорите: «Эта статья вызвала немножко и гнев всех членов Союза композиторов СССР».

«Увидел в № 58 новую рубрику «Земля тревоги наше» и вспомнил — это из письма туляка Л. Н. Курикова, — как в 1959 году я послал мои отрывки «Балтии». По тем временам популярна была книга о герое-подводнике. Я и на радиостудии «Круглый» его чуть ли не суть. И потому напал на передачу какого-то «голоса», где говорилось об опасности, нависшей над Аралом. Я, естественно, тогда не верил...

Почему мы не в курсе, а там, «у них», такая осведомленность. Что, у нас нет учёных, министров нет организаторов производства, которые обязаны знать и предвидеть? Если не знали, то какая же им цена? А если знали и молчали, то это преступление».

«Начав читать материалы пресс-конференции, я сразу, на части, посвященной статье В. Горностаевой, я изумился первой же фразе этого выступления. Вы говорите: «Эта статья вызвала немножко и гнев всех членов Союза композиторов СССР».

«Увидел в № 58 новую рубрику «Земля тревоги наше» и вспомнил — это из письма туляка Л. Н. Курикова, — как в 1959 году я послал мои отрывки «Балтии». По тем временам популярна была книга о герое-подводнике. Я и на радиостудии «Круглый» его чуть ли не суть. И потому напал на передачу какого-то «голоса», где говорилось об опасности, нависшей над Аралом. Я, естественно, тогда не верил...

Почему мы не в курсе, а там, «у них», такая осведомленность. Что, у нас нет учёных, министров нет организаторов производства, которые обязаны знать и предвидеть? Если не знали, то какая же им цена? А если знали и молчали, то это преступление».

«Начав читать материалы пресс-конференции, я сразу, на части, посвященной статье В. Горностаевой, я изумился первой же фразе этого выступления. Вы говорите: «Эта статья вызвала немножко и гнев всех членов Союза композиторов СССР».

«Увидел в № 58 новую рубрику «Земля тревоги наше» и вспомнил — это из письма туляка Л. Н. Курикова, — как в 1959 году я послал мои отрывки «Балтии». По тем временам популярна была книга о герое-подводнике. Я и на радиостудии «Круглый» его чуть ли не суть. И потому напал на передачу какого-то «голоса», где говорилось об опасности, нависшей над Аралом. Я, естественно, тогда не верил...

Почему мы не в курсе, а там, «у них», такая осведомленность. Что, у нас нет учёных, министров нет организаторов производства, которые обязаны знать и предвидеть? Если не знали, то какая же им цена? А если знали и молчали, то это преступление».

«Начав читать материалы пресс-конференции, я сразу, на части, посвященной статье В. Горностаевой, я изумился первой же фразе этого выступления. Вы говорите: «Эта статья вызвала немножко и гнев всех членов Союза композиторов СССР».

«Увидел в № 58 новую рубрику «Земля тревоги наше» и вспомнил — это из письма туляка Л. Н. Курикова, — как в 1959 году я послал мои отрывки «Балтии». По тем временам популярна была книга о герое-подводнике. Я и на радиостудии «Круглый» его чуть ли не суть. И потому напал на передачу какого-то «голоса», где говорилось об опасности, нависшей над Аралом. Я, естественно, тогда не верил...

Почему мы не в курсе, а там, «у них», такая осведомленность. Что, у нас нет учёных, министров нет организаторов производства, которые обязаны знать и предвидеть? Если не знали, то какая же им цена? А если знали и молчали, то это преступление».

«Начав читать материалы пресс-конференции, я сразу, на части, посвященной статье В. Горностаевой, я изумился первой же фразе этого выступления. Вы говорите: «Эта статья вызвала немножко и гнев всех членов Союза композиторов СССР».

«Увидел в № 58 новую рубрику «Земля тревоги наше» и вспомнил — это из письма туляка Л. Н. Курикова, — как в 1959 году я послал мои отрывки «Балтии». По тем временам популярна была книга о герое-подводнике. Я и на радиостудии «Круглый» его чуть ли не суть. И потому напал на передачу какого-то «голоса», где говорилось об опасности, нависшей над Аралом. Я, естественно, тогда не верил...

Почему мы не в курсе, а там, «у них», такая осведомленность. Что, у нас нет учёных, министров нет организаторов производства, которые обязаны знать и предвидеть? Если не знали, то какая же им цена? А если знали и молчали, то это преступление».

«Я ленинградский рабочий, шлифовщик...» — пишет Алексей Николаевич Сошиков. — Мы устали от газетных недомолвок, намеков «сыны торжества»,

Открытие памятника основателю Советского государства В. И. Ленину, созданного на средства ветеранов партии, состоялось в поселке Перевалкино, на территории Дома ветеранов партии. Автор памятника В. И. Ленину — скульптор А. М. Тарасиков.

● Во время церемонии открытия памятника.

УКАЗ Президиума Верховного Совета СССР

О награждении
Секретаря А. Ф. орденом
Красного Знамени
и тов. Свердлу С. В.
орденом Красной Звезды

За достойное выполнение служебного и патриотического долга в Республике Афганистан наградить:

ordenem Krasnogo Znameni
Sekretarju Aleksandru
Frolovichu — фотокорреспонденту редакции газеты «Известия» (посмертно).

ordenem Krasnoy Zvezdy
Sverdlu Sergiu Vladimirovichu — заместителю заведующего отделом редакции газеты «Известия».

Председателю Президиума
Верховного Совета СССР
А. ГРОМЫКО.

Секретарю Президиума
Верховного Совета СССР
Т. МЕНТЕШАШВИЛИ.

Москва, Кремль.

6 июня 1988 г.

УКАЗ Президиума Верховного Совета СССР

О награждении
тov. Кувакова M.
орденом Дружбы народов

За заслуги в развитии народного творчества и активную общественную деятельность наградить орденом Дружбы народов тов. Кувакова Манана — заведующего красной юртой отеля культуры исполнительного Яныктуранского района Совета народных депутатов Кызыл-Ординской области.

Председателю Президиума
Верховного Совета СССР
А. ГРОМЫКО.

Секретарю Президиума
Верховного Совета СССР
Т. МЕНТЕШАШВИЛИ.

Москва, Кремль.

6 июня 1988 г.

ОСТРЫЙ СИГНАЛ

Что летит в трубу?

Городство Крыма является уникальным памятником стадии монументально-архитектурной национальной культуры Суданская крепость (X—XV века). Она имеет установленную соответствующими решениями охрану и находится под охраной государства. Однако санаторий «Симеон» и «Ливадийский» железнодорожники стали в этой зоне строить плавательные бассейны, забыв о том, что это — памятник архитектуры. Под угрозой уничтожения оказались драматический театр, парк, посадки.

Широкая общественность проявляет против этого недопустимого беззакония. Мы обращаемся в разные инстанции, но стражи карты ищут иные пути. Тогда же, если членам райкома избирают конференции, как высший орган районной партийной организации, она и должна принять решение о выведении этого коммунистического из выбранного города.

А. ОМАРОВ,
член Цумадинского РК КПСС.

**ОЧИСТИТЬСЯ
ОТ
КАРЬЕРИСТОВ**

лица по двадцать и более лет. Целое поколение творческих людей, таким образом, не получает возможности проявлять себя в качестве организаторов художественного процесса. Подобный застой в кадрах руководителей творческой жизни, нам кажется, не в последнюю очередь сказалась и т. п.— подлинно и до сих пор плодит номиналистичность чиновничества из искусства, озабоченных главным образом тем, чтобы привлечь внимание творческих художников, сделав его предсказуемым.

Сегодня, когда идет реформационная перестройка всех сторон нашей жизни — экономики, обществоведения, когда партии и общество энергично обсуждают вопросы перестройки политической системы, странно, что творческие союзы остаются в своем первозданном, незблескном виде.

Можно ли признавать и дальше нормальную положение, когда одни и те же лица десятилетиями входят в руководящие органы творческих союзов, закрывая дорогу молодым? Избрание в составы праздничных секретариатов не должно быть пожизненным и не должно зависеть от титулов и регалий человека. И никто не должен обниматься на восточном обновление руководящих органов творческих союзов. Только таким путем мы наблизимся от устоявшихся форм творческого творчества, как гриф «секретно».

Недемократичным представляется нам и порядок, когда во главе многих журналистов и газет стоит один и тот же

Истинный художник — всегда загадка, творчество его — всегда тайна. Кому же тайну ощущаешь при чтении установления союзов? Никаких тайн, только металлический привкус канцеляршины. Не пора ли всерьез подумать о такой реструктуре самой структуры творческих союзов, в которой художник не был бы под властью бюрократической пирамиды, а почивался себе подлинными и разноплановыми канцелярским и организатором творческой жизни. Только в этих условиях искусство может жить, и не надо быть умнее историков.

А. ШИРОЛАЕВ,
С. НАУМОВ.

— МОСКВА.

(«Советская культура»)

Комитета партии. Напомню, в Тезисах идет речь о формах и принципах работы ЦК, о возможностях частичного обновления его состава в период между съездами. Но опускается вопрос о социальном составе Центрального Комитета. В настоящее время условия антизападничества участия всех членов партии в обсуждении насущных вопросов партии, в следствительно, и в претворении принятых решений в жизнь должны стать полная информированности по всем без исключения вопросам, обсуждаемым в любых партийных организациях. Причем эта информация должна поступать не в виде кратких заметок, а в полном объеме.

У органов партии не должно быть секретов от всей партии, от народа. В связи с этим представляется анахронизм существование таких фактов, как гриф «секретно» на всех партийных документах, как обилье отрывков из различных органах. Причем эта информация должна поступать не в виде кратких заметок, а в полном объеме.

У органов партии не должно быть секретов от всей партии, от народа. В связи с этим представляется анахронизм существование таких фактов, как гриф «секретно» на всех партийных документах, как обилье отрывков из различных органах.

И. АНДРЕЕВ,
заместитель секретаря
партийного Минпромсвязи
СССР.

— МОСКВА.

(«Советская культура»)

годом) внутрипартийных дискуссий.

Это — обязательный широкомасштабный научно-практический опрос в учет общественного мнения.

Непременным условием антизападничества участия всех членов партии в обсуждении насущных вопросов партии, в следствительно, и в претворении принятых решений в жизнь должны стать полная информированности по всем без исключения вопросам, обсуждаемым в любых партийных организациях. Причем эта

информация должна поступать не в виде кратких заметок, а в полном объеме.

У органов партии не должно быть секретов от всей партии, от народа. В связи с этим представляется анахронизм существование таких фактов, как гриф «секретно» на всех партийных документах, как обилье отрывков из различных органах.

И. АНДРЕЕВ,

заместитель секретаря

партийного Минпромсвязи

СССР.

— МОСКВА.

(«Советская культура»)

ГАРАНТИИ
ПРАВДОЛЮБИЯ

Особое место в Тезисах ЦК КПСС и XIX Всесоюзной партийной конференции занимает вопросы демократизации партийной жизни. В связи с этим хотелось бы поднять вопрос о гарантиях для членов выборных органов партии, позволяющих им высказывать собственные мнения по любому вопросу, несмотря ни на какие заслуги, не могут состоять в партии и подлежат безоговорочному исключению из КПСС.

Хотим высказать еще одно предложение, уже не наше, а члены партии, изложившими в адрес президиума конференции, задавшие вопросы. Делегаты президиума должны ответить на них. Пусть это займет лишний день, пусть потребует лишних денег. Народ с радостью согласится с такими затратами. Лишь бы от этого было польза делу перестройки.

Г. ОВЧАРОВ,

доцент кафедры истории

КПСС Грознинского

нефтяного института,

член КПСС с 1946 г.,

участник Великой

Отечественной войны.

М. МАМЫЛОВ,

доцент, заведующий

кафедрой истории КПСС,

член КПСС с 1966 г.

— ГРОЗНЫЙ.

(«Советская культура»)

Для застоеев и псевдоистин

и псевдоправды

и псевдодемократии

и псевдопартизанства

и псевдопатриотизма

КАЖЕТСЯ, сейчас вся страна размышляет над феноменом Сталина. Иные говорят: стоит ли слова и слова говорить о давно уже разоблаченном, давно мертвом, даже удаленном из Мавзолея? «Цезарь — цезарево». Стоит ли воротить прах?

К. Маркс писал о «мертвых, хватывающих жи- вых», о традициях мертвых поколений, таго- гоющих «как кошмар» над умами «живых». И «Их раза раза, когда люди как будто только тем и заняты, что переделывают себя и окру- живающие и создают нечто еще небывалое, как раз в такие эпохи революционных кризисов они бодриво прибегают к заложникам, вызывая к себе на помощь духам прошлого...». Сказано как будто о нас.

И пока мы не страшнем себя, с душой, с глубин подсознания даже — до конца — вериги сталинизма, пока не будет сказана в понятия, усвоена! — до конца вся правда об «эрхе Сталина» — будут живы и наследники его духа и дела. И главное, конечно, не в сенсаци- онных разоблачениях, а в том, чтобы показать, в общем-то, простые вещи: «потому» и для «чего», «каким образом» и «как это могло быть». И обязательно для прогресса уподобляется тому отвратительному лягушечному ядлу, который пил некоторое не иначе, как из черепов убитых, или колеснице Тамерлана, путь которой усти- лают тела поверженных.

Не разобравшись в этих философских вопросах истории, нас успешно двигаться вперед просто не удастся.

Разные формулы приводились в свое время для характеристики Сталина. Сначала: неиз- мерно-чудовищный великан. Затем: великий и чудовищный. И, наконец, просто чудовищный. (Еще Бухарин сказал: «Это дьявол»). Но никто еще, кажется, не считал его человеком неде- льным. Бывший семинарист, он, как известно, считал партию «орденом мечтословов» и свято верил в идею, которой посвятил жизнь. Величайшей помехой на пути к осуществлению этой идеи фанатически считал инакомыслие. В «ор- денах» все должны мыслить так, как его великий Магистр. И вслед за тем, кто смел высказать свою точку зрения — по вопросам политиче- ским, военным, идеологическим, философским, литературами, даже естественнонаучным, — подлежал ВМН (высшей мере наказания).

Что и, такой способ отсечения навязывания человечества, такой идея давно витал в воображении философов и утопистов. Истоки его мы видим и у Платона, и у злосчастного монаха Кампаниллы. О нем, как «казарменном коммуни- зме», с тревогой писал Маркс, спрашивавши о опасности, что он осуществляется не только в теории, но и на практике.

Вскоре и варяги в России фантазии узко-объемной революционной идеи Сергея Нечаева из самых благих побуждений попытались создать своего рода «орден мечтословов», где все безоговорочно подчинены единственно «централизованному комитету». Его единолично олицетворял сам Нечаев: он вынес смертный приговор сту- денту Иванову, который как-то посмел возра- зить «святому».

Кажется, один только Достоевский понял тогда, каким это страшным зародышем может обернуться для будущего России, и с ужасом писал об обществе, где «горы сравняны с доли- нами» и все приведены к одному знаменате- лю, где «Цицерону обрезывается язык, Коноп- ляя выкашивает глаза, Шекспир побивается каменьями». Потом были Замятин, Гаксли, Оруэлл...

Но блоне и теме. Сталин с молодости питал некоторую слабость к философии, хотя вскоре философии не занималась. После смерти Ле- нина, обдумывая формы и методы борьбы с инакомыслием и блестящие образованными «сопротивниками» в Политбюро, он понял, что однажды политическими обвинениями для их уст- рицких не обойтись. Нужна для «этой» обви- нительной серье́зная философская и идеологическая подоплека. Нужно показать, что идет не просто борьба за власть, что это не просто политиче- ские противники. Нужно «отлучить» их от церкви, от самой сути марксизма — диалек- тического и исторического материализма. Отлучить с «замона» партийных съездов и пленумов, ввести единий трактат мысли.

А ТУТ ситуация в 20-е годы была сумбур- ная. В борьбе против откровенно идеалистической философии, которая в первые годы Советской власти имела еще свои органы печати, весьма талантливых представителей и горячих почитателей, родилось убеждение, что победившему пролетариату вообще никакая философия не нужна.

На «философском фронте» победившая рево- люция опустилась на сильное понижение интел- лектуального уровня. Страдала от этого прежде всего, конечно, учающаяся молодежь, слушавшая такие откровения: «Благодаря биологиче- ской тренировке исчезает необходимость в логике, отмечает знание, мышление и только физиологическая реакция холода будет напоминать об эксплуататорском диалектическом ма- териализме, одурачивавшем невинные головы передовых революционных рабочих». Открове- ние это вызывает сейчас действительную «физио- логическую реакцию холода». Но оно далеко не было намеренным эпатажем или размытием.

Борьба с «механистами» и разъяснением основ марксистской философии занялась А. М. Деборин с группой своих учеников и последователей (Н. А. Караве, И. К. Лупшин, Я. Стан, и им подобные). В Асмус и другие). Он с 1924 года возглавлял, как тогда говорили, «фи- лософское руководство», а затем и руководство журналом «Под знаменем марксизма». Читал лекции в Коммунистической академии и в Институте красной профессуры.

В то время Деборин был, бесспорно, одним из образованнейших марксистов в стране. Он глубокий знаток истории, философии, особенно философии Гегеля. Но что мы знаем о нем? В указателе имен к 29-му тому Полного собрания Сочинений В. И. Ленина читаем: «...столица на позициях меньшевистствующего идеализма; автор ряда работ по истории философии и ди- алектическому материализму». Забавно, не прав-

да ли? Меньшевистствующий идеалист создает книгу по диалектическому материализму!

В 1909 г. вышла статья Деборина «Диалектический материализм». Ее внимательно штудировали Ленин и склоняли на свою сторону большинства учеников, насавшихся в основном не столько в земной истории, сколько в философии. Так, подчеркнув слова «ансамблевистический философизм», Ленин воскликнул: «Этот авторитет везде велик!»

«Группы Деборина», не смущало. Дело было не в сущности. Важно было поставить клеймо. По-пробуй его отмой.

В моих руках попала книга А. М. Деборина Н. С. Хрущеву, взятая из семейного края. В нем приводится такой фрагмент: «В мае 1930 г., тогдашний заведующий отделом пропаганды ЦК КП(б) М. Б. Митин, членом которого был Деборин, выступил с афоризмом: «Мы имеем право на абсолютную грань бытия, разделенную на истину и на то, что это открытие физики никак не противоречит диалектическому материализму». «Ага! — засмеялся Ленин, — Плеваковы молчат об этом «новом течении», не знают, что это дальше по тому же поводу — «верный» Октябрьский раскольник в отличии от Плевакова и Деборина, сразу же антикоммунистами предложил вредоносную работу. Ленинский философский вклад в науку является абсолютной границей бытия, разделенной на истину и на то, что это открытие физики никак не противоречит диалектическому материализму». «Ага! — засмеялся Ленин, — Плеваковы молчат об этом «новом течении», не знают, что это дальше по тому же поводу — «верный»

Октябрьский раскольник в отличии от Плевакова и Деборина, сразу же антикоммунистами предложил вредоносную работу. Ленинский философский вклад в науку является абсолютной границей бытия, разделенной на истину и на то, что это открытие физики никак не противоречит диалектическому материализму». «Ага! — засмеялся Ленин, — Плеваковы молчат об этом «новом течении», не знают, что это дальше по тому же поводу — «верный»

Октябрьский раскольник в отличии от Плевакова и Деборина, сразу же антикоммунистами предложил вредоносную работу. Ленинский философский вклад в науку является абсолютной границей бытия, разделенной на истину и на то, что это открытие физики никак не противоречит диалектическому материализму». «Ага! — засмеялся Ленин, — Плеваковы молчат об этом «новом течении», не знают, что это дальше по тому же поводу — «верный»

Октябрьский раскольник в отличии от Плевакова и Деборина, сразу же антикоммунистами предложил вредоносную работу. Ленинский философский вклад в науку является абсолютной границей бытия, разделенной на истину и на то, что это открытие физики никак не противоречит диалектическому материализму». «Ага! — засмеялся Ленин, — Плеваковы молчат об этом «новом течении», не знают, что это дальше по тому же поводу — «верный»

Октябрьский раскольник в отличии от Плевакова и Деборина, сразу же антикоммунистами предложил вредоносную работу. Ленинский философский вклад в науку является абсолютной границей бытия, разделенной на истину и на то, что это открытие физики никак не противоречит диалектическому материализму». «Ага! — засмеялся Ленин, — Плеваковы молчат об этом «новом течении», не знают, что это дальше по тому же поводу — «верный»

Октябрьский раскольник в отличии от Плевакова и Деборина, сразу же антикоммунистами предложил вредоносную работу. Ленинский философский вклад в науку является абсолютной границей бытия, разделенной на истину и на то, что это открытие физики никак не противоречит диалектическому материализму». «Ага! — засмеялся Ленин, — Плеваковы молчат об этом «новом течении», не знают, что это дальше по тому же поводу — «верный»

Октябрьский раскольник в отличии от Плевакова и Деборина, сразу же антикоммунистами предложил вредоносную работу. Ленинский философский вклад в науку является абсолютной границей бытия, разделенной на истину и на то, что это открытие физики никак не противоречит диалектическому материализму». «Ага! — засмеялся Ленин, — Плеваковы молчат об этом «новом течении», не знают, что это дальше по тому же поводу — «верный»

Октябрьский раскольник в отличии от Плевакова и Деборина, сразу же антикоммунистами предложил вредоносную работу. Ленинский философский вклад в науку является абсолютной границей бытия, разделенной на истину и на то, что это открытие физики никак не противоречит диалектическому материализму». «Ага! — засмеялся Ленин, — Плеваковы молчат об этом «новом течении», не знают, что это дальше по тому же поводу — «верный»

Октябрьский раскольник в отличии от Плевакова и Деборина, сразу же антикоммунистами предложил вредоносную работу. Ленинский философский вклад в науку является абсолютной границей бытия, разделенной на истину и на то, что это открытие физики никак не противоречит диалектическому материализму». «Ага! — засмеялся Ленин, — Плеваковы молчат об этом «новом течении», не знают, что это дальше по тому же поводу — «верный»

Октябрьский раскольник в отличии от Плевакова и Деборина, сразу же антикоммунистами предложил вредоносную работу. Ленинский философский вклад в науку является абсолютной границей бытия, разделенной на истину и на то, что это открытие физики никак не противоречит диалектическому материализму». «Ага! — засмеялся Ленин, — Плеваковы молчат об этом «новом течении», не знают, что это дальше по тому же поводу — «верный»

Октябрьский раскольник в отличии от Плевакова и Деборина, сразу же антикоммунистами предложил вредоносную работу. Ленинский философский вклад в науку является абсолютной границей бытия, разделенной на истину и на то, что это открытие физики никак не противоречит диалектическому материализму». «Ага! — засмеялся Ленин, — Плеваковы молчат об этом «новом течении», не знают, что это дальше по тому же поводу — «верный»

Октябрьский раскольник в отличии от Плевакова и Деборина, сразу же антикоммунистами предложил вредоносную работу. Ленинский философский вклад в науку является абсолютной границей бытия, разделенной на истину и на то, что это открытие физики никак не противоречит диалектическому материализму». «Ага! — засмеялся Ленин, — Плеваковы молчат об этом «новом течении», не знают, что это дальше по тому же поводу — «верный»

Октябрьский раскольник в отличии от Плевакова и Деборина, сразу же антикоммунистами предложил вредоносную работу. Ленинский философский вклад в науку является абсолютной границей бытия, разделенной на истину и на то, что это открытие физики никак не противоречит диалектическому материализму». «Ага! — засмеялся Ленин, — Плеваковы молчат об этом «новом течении», не знают, что это дальше по тому же поводу — «верный»

Октябрьский раскольник в отличии от Плевакова и Деборина, сразу же антикоммунистами предложил вредоносную работу. Ленинский философский вклад в науку является абсолютной границей бытия, разделенной на истину и на то, что это открытие физики никак не противоречит диалектическому материализму». «Ага! — засмеялся Ленин, — Плеваковы молчат об этом «новом течении», не знают, что это дальше по тому же поводу — «верный»

Октябрьский раскольник в отличии от Плевакова и Деборина, сразу же антикоммунистами предложил вредоносную работу. Ленинский философский вклад в науку является абсолютной границей бытия, разделенной на истину и на то, что это открытие физики никак не противоречит диалектическому материализму». «Ага! — засмеялся Ленин, — Плеваковы молчат об этом «новом течении», не знают, что это дальше по тому же поводу — «верный»

Октябрьский раскольник в отличии от Плевакова и Деборина, сразу же антикоммунистами предложил вредоносную работу. Ленинский философский вклад в науку является абсолютной границей бытия, разделенной на истину и на то, что это открытие физики никак не противоречит диалектическому материализму». «Ага! — засмеялся Ленин, — Плеваковы молчат об этом «новом течении», не знают, что это дальше по тому же поводу — «верный»

Октябрьский раскольник в отличии от Плевакова и Деборина, сразу же антикоммунистами предложил вредоносную работу. Ленинский философский вклад в науку является абсолютной границей бытия, разделенной на истину и на то, что это открытие физики никак не противоречит диалектическому материализму». «Ага! — засмеялся Ленин, — Плеваковы молчат об этом «новом течении», не знают, что это дальше по тому же поводу — «верный»

Октябрьский раскольник в отличии от Плевакова и Деборина, сразу же антикоммунистами предложил вредоносную работу. Ленинский философский вклад в науку является абсолютной границей бытия, разделенной на истину и на то, что это открытие физики никак не противоречит диалектическому материализму». «Ага! — засмеялся Ленин, — Плеваковы молчат об этом «новом течении», не знают, что это дальше по тому же поводу — «верный»

Октябрьский раскольник в отличии от Плевакова и Деборина, сразу же антикоммунистами предложил вредоносную работу. Ленинский философский вклад в науку является абсолютной границей бытия, разделенной на истину и на то, что это открытие физики никак не противоречит диалектическому материализму». «Ага! — засмеялся Ленин, — Плеваковы молчат об этом «новом течении», не знают, что это дальше по тому же поводу — «верный»

Октябрьский раскольник в отличии от Плевакова и Деборина, сразу же антикоммунистами предложил вредоносную работу. Ленинский философский вклад в науку является абсолютной границей бытия, разделенной на истину и на то, что это открытие физики никак не противоречит диалектическому материализму». «Ага! — засмеялся Ленин, — Плеваковы молчат об этом «новом течении», не знают, что это дальше по тому же поводу — «верный»

Октябрьский раскольник в отличии от Плевакова и Деборина, сразу же антикоммунистами предложил вредоносную работу. Ленинский философский вклад в науку является абсолютной границей бытия, разделенной на истину и на то, что это открытие физики никак не противоречит диалектическому материализму». «Ага! — засмеялся Ленин, — Плеваковы молчат об этом «новом течении», не знают, что это дальше по тому же поводу — «верный»

Октябрьский раскольник в отличии от Плевакова и Деборина, сразу же антикоммунистами предложил вредоносную работу. Ленинский философский вклад в науку является абсолютной границей бытия, разделенной на истину и на то, что это открытие физики никак не противоречит диалектическому материализму». «Ага! — засмеялся Ленин, — Плеваковы молчат об этом «новом течении», не знают, что это дальше по тому же поводу — «верный»

Октябрьский раскольник в отличии от Плевакова и Деборина, сразу же антикоммунистами предложил вредоносную работу. Ленинский философский вклад в науку является абсолютной границей бытия, разделенной на истину и на то, что это открытие физики никак не противоречит диалектическому материализму». «Ага! — засмеялся Ленин, — Плеваковы молчат об этом «новом течении», не знают, что это дальше по тому же поводу — «верный»

Октябрьский раскольник в отличии от Плевакова и Деборина, сразу же антикоммунистами предложил вредоносную работу. Ленинский философский вклад в науку является абсолютной границей бытия, разделенной на истину и на то, что это открытие физики никак не противоречит диалектическому материализму». «Ага! — засмеялся Ленин, — Плеваковы молчат об этом «новом течении», не знают, что это дальше по тому же поводу — «верный»

Октябрьский раскольник в отличии от Плевакова и Деборина, сразу же антикоммунистами предложил вредоносную работу. Ленинский философский вклад в науку является абсолютной границей бытия, разделенной на истину и на то, что это открытие физики никак не противоречит диалектическому материализму». «Ага! — засмеялся Ленин, — Плеваковы молчат об этом «новом течении», не знают, что это дальше по тому же поводу — «верный»

**Георгий
КОНДРАТЕНКО,**
заместитель главного
редактора
газеты «Советская
культура»

Нашей газете уже немало лет, вот-вот исполнится 60. Курс партии на демократизацию и гласность преобразил многие издания. Но сейчас она, как и ряд других изданий, в полном смысле переживает второе рождение. Здесь нет превознегания. Интерес читателей к газете, в том числе и нашей, резко возрос именно тогда, когда на их страницах загучали голоса самой жизни. Причем зазутили без редакционных фильтров, бывших в иные времена, надо честно признать, довольно плотными и густыми. Зазутили без искусственных глашущих способных превратить любой громкий, даже кричащий голос в базарный шепоток. Зазутили и без барабанных бирюратических усиленителей, когда, бывало, из «вопросника» могли раздуть целую проблему, а из мыши сотворить пропагандистского слона. Зазутили естественно, нестерпимо, честно, как это происходит в жизни — в близком, откровенном общении товарищей, друзей, коллег. И читатель это сразу заметил и оценил.

Сегодня все мы являемся свидетелями и участниками редчайшего в истории случая становления идеологии перестройки и коренного качественного обновления нашего общества. Речь идет о том, чтобы в полной мере восстановить ленинское значение социалистических ценностей, очистить их от всего бесчеловечного, чем их пытались подменить. Это сегодня для газеты, для редакции — задача задача. Оней мы думаем, говорим, спорим, формируем каждый номер газеты, советуясь с авторами, развертывая дискуссию, полемику, все более широкий диалог читателями.

За три года мы приобрели бесценный и беспрецедентный опыт развития демократизации и гласности. Но этот опыт еще в начале, его надо обогащать, его надо закреплять, потому что демократия на газетных страницах еще далеко не означает полного торжества демократии на практике, в жизни.

Не все идет легко и просто. Работники газеты тоже приходится сегодня интенсивно учиться и переучиваться. Их обязывает к этому существо профессии партийного журналиста, то важнейшее значение, которое придает партийной печати в процессе перестройки, на конец огромный кредит доверия и поддержки, оказываемый газете читателями.

Вячеслав ГЛАЗЫЧЕВ,
секретарь правления Союза архитекторов СССР

Сегодня постоянно звучат слова «демократизация культуры». Говорят одновременно и о том, что это процесс революционный. Революции, как известно, должны себя защищать, и революция должна строить, иначе она гибнет. Сегодня защитой этой революции в культуре занята, на мой взгляд, больше всего пресса. Очевидно, что продолжаться так долго не может. Если сегодня не идти дальше, то откатывание назад просто неизбежно. Чиновники хотят этот революционный процесс, если у чиновника не стоять власти.

Развитие всех культурных процессов в нашей стране, как и любой другой, идет по двум уровням. Первый — извозной. Уровень города — малого, гигантского, уровня села, уровень того, что всегда называлось человеческой общиной или сообществом, как предпочитают говорить социологи. Сегодня этот уровень управления, и это прекрасно знаете, исключительно номинальный. Советы, хоть мы и говорим непрерывно о повышении их роли, стоят в виде идилических, жалких просветителей в приемных новых федоров-ведомств. Покончите с этим можно одним способом: вместе, объединенными усилиями восстановить то, без чего город, в следовательно, и культура не могут существовать, — городское поселенное право. Оно есть во всех цивилизованных странах.

Второй уровень управления — верхний. Он крепит ассоциацию отдельных общин, иначе она распадается, и будет анархия, а не единичная система культуры. На этом верхнем уровне центральную якобы позицию занимает Министерство культуры. Но сама идея управления культурой есть идея порочная.

Управлять культурой нельзя, можно стимулировать ее развитие. Так может эту работу возглавлять? На мой взгляд, хотя и истинной в последней инстанции не обладают, единственным путем сегодня — это подготовка и создание союза по областям и республикам, а затем в стране в целом конгресса деятелей культуры СССР — художников, членов творческих союзов, научных работников, педагогов (разрыв между школой и культурой, между образованием и культурой — искусственный). Конгресс этот может, между прочим, и исполнокомитет культуры из себя создать, а тогда и Министерству культуры нечего существовать.

Хочу высказать свою личную точку зрения по нескольким вопросам, профессионально мне близким и освещавшимися в газете.

В Киеве, судя по местным газетам, я в покоряющими читателями, начал сказываться восстановительный акцентризм, который в идеала стремится вообщем пристановить развитие города. Не пропустите этот момент.

Вопрос о месте: В чем, по вашему мнению, опасность применительно к Киеву и его западной зоне?

Вопрос-ответ

— Скажите, почему перед освобождением публично не извинились?

Н. Попов: Все люди, которые неважно пострадали, должны быть, естественно, амнистированы гласно, и сейчас над этим работает партийная комиссия. Вероятно, основные лица, основные известные политические деятели будут амнистированы, и это будет сделано гласно. В то же время у нас существует сотни тысяч, если не миллионы людей, которых пострадали и информационно о которых вообще ничего не известно.

Хотелось бы ответить и тем, кто говорит, что пора забыть прошлое, Сталина, культ личности, выборы, не существуют. К сожалению, мы еще не умеем да и не очень хотим пользоваться системой выборов.

Хотелось бы ответить и тем, кто говорит, что пора забыть прошлое, Сталина, культ личности, выборы... Во-первых, есть преступления, на которые срок давности не распространяется.

«КРУГЛЫЙ СТОЛ» «СК» В КИЕВЕ

В. ГЛАЗЫЧЕВ: Я очень боюсь, что стремление то что бы то ни стало воссоздать, например. Подол, часто не имея к тому достаточно твердых исторических данных, может привести в высшей степени нормальный и обещающий очень любопытные результаты процесс нового его застройки. Эта точка зрения, может быть, и спорна, но обйтись на Подоле имитациями старого было бы ошибочно.

Второе. Здесь, в Киеве, убито производение искусства. Стена Памяти, которую создали Рыбачук и Мельниченко, может мне лично нравиться или не нравиться. Мне, кстати, она не нравится, и авторы это знают. Но это мой вкус. Я не имею права свой вкус называть всем остальным. Неизвестно, что будет нравиться нашим детям. Но нельзя разрушать произведение искусства. Давайте называть вещи своими именами — совершенно преступление перед культурой.

Третье. Наблюдается упорное стремление отнять у миллионного города Одессы право самостоятельно решать, какой же центр ей нужен. Почему, кто дал Киеву право узурпировать суверенное право жителей Одессы? То же происходит с черниговской Лесковицей.

Б. ГЛАЗЫЧЕВ: Стена Памяти, которую создали Рыбачук и Мельниченко, может мне лично нравиться или не нравиться. Мне, кстати, она не нравится, и авторы это знают. Но это мой вкус. Я не имею права свой вкус называть всем остальным. Неизвестно, что будет нравиться нашим детям. Но нельзя разрушать произведение искусства. Давайте называть вещи своими именами — совершенно преступление перед культурой.

Мне кажется, что за стремление

**Станислав
ГОВОРУХИН,
кинорежиссер**

Сегодня меня, как и всех, интересуют, собственно, одни вопросы: что с нами будет завтра? Изменится ли и скоро ли изменится жизнь в стране к лучшему? Восторгается ли здравый смысл? Наступит ли та долгожданная гармония, когда народ доверяет руководителям, а руководители доверяют своему народу? Вот это все и есть высокие цели перестройки.

Мне кажется, что за стремление генерировало своеобразный тип человека. Человека, выросшего в обществе, где многие понятия несомненно смешались, получили обратный смысл. Был и недавно в Чечено-Ингушетии. Старики там говорят: для того, чтобы перестройка удалась, нужно, чтобы сменились три поколения. Вот это меня очень пугает. И мне кажется, что есть в этом доля правды. Стало чуть ли не обыденным, привычным, например, воровство. Одни несут с заводов и фабрик сахар, конфеты, чай, кофе, гайки, трубы, бумагу, дерево... Мы краем у предпринимателя, где работаем, рабочее время. Мы приходим чуть позже, уходим раньше, среди нас сделаем все личные дела. Мало нам часов — дни украшем, принесем болеутоляющие, если надо...

Сегодня уже пора подумать не только о светлом будущем, но и о тех, кто сегодня на пороге старости. Что же им делать? Они что ждут и умрут, не пойдя вперед? А вспомним, что же было, когда народ изменился к лучшему! Давайте, к примеру, в Одессе, проблемы которой мне более-менее хорошо известны, строить не панораму обороны Одессы, а водопровод и канализацию. А в

«вопросника» могли раздуть целую проблему, а из мыши сотворить пропагандистского слона. Зазутили естественно, нестерпимо, честно, как это происходит в жизни — в близком, откровенном общении товарищей, друзей, коллег. И читатель это сразу заметил и оценил.

Сегодня все мы являемся свидетелями и участниками редчайшего в истории случая становления идеологии перестройки и коренного качественного обновления нашего общества. Речь идет о том, чтобы в полной мере восстановить ленинское значение социалистических ценностей, очистить их от всего бесчеловечного, чем их пытались подменить. Это сегодня для газеты, для редакции — задача задача.

Сегодня для газеты, для редакции — задача задача. Оней мы думаем, говорим, спорим, формируем каждый номер газеты, советуясь с авторами, развертывая дискуссию, полемику, все более широкий диалог читателями.

Задача задача. Оней мы думаем, говорим, спорим, формируем каждый номер газеты, советуясь с авторами, развертывая дискуссию, полемику, все более широкий диалог читателями.

Задача задача. Оней мы думаем, говорим, спорим, формируем каждый номер газеты, советуясь с авторами, развертывая дискуссию, полемику, все более широкий диалог читателями.

Задача задача. Оней мы думаем, говорим, спорим, формируем каждый номер газеты, советуясь с авторами, развертывая дискуссию, полемику, все более широкий диалог читателями.

Задача задача. Оней мы думаем, говорим, спорим, формируем каждый номер газеты, советуясь с авторами, развертывая дискуссию, полемику, все более широкий диалог читателями.

Задача задача. Оней мы думаем, говорим, спорим, формируем каждый номер газеты, советуясь с авторами, развертывая дискуссию, полемику, все более широкий диалог читателями.

Задача задача. Оней мы думаем, говорим, спорим, формируем каждый номер газеты, советуясь с авторами, развертывая дискуссию, полемику, все более широкий диалог читателями.

Задача задача. Оней мы думаем, говорим, спорим, формируем каждый номер газеты, советуясь с авторами, развертывая дискуссию, полемику, все более широкий диалог читателями.

Задача задача. Оней мы думаем, говорим, спорим, формируем каждый номер газеты, советуясь с авторами, развертывая дискуссию, полемику, все более широкий диалог читателями.

Задача задача. Оней мы думаем, говорим, спорим, формируем каждый номер газеты, советуясь с авторами, развертывая дискуссию, полемику, все более широкий диалог читателями.

Задача задача. Оней мы думаем, говорим, спорим, формируем каждый номер газеты, советуясь с авторами, развертывая дискуссию, полемику, все более широкий диалог читателями.

Задача задача. Оней мы думаем, говорим, спорим, формируем каждый номер газеты, советуясь с авторами, развертывая дискуссию, полемику, все более широкий диалог читателями.

Задача задача. Оней мы думаем, говорим, спорим, формируем каждый номер газеты, советуясь с авторами, развертывая дискуссию, полемику, все более широкий диалог читателями.

Задача задача. Оней мы думаем, говорим, спорим, формируем каждый номер газеты, советуясь с авторами, развертывая дискуссию, полемику, все более широкий диалог читателями.

Задача задача. Оней мы думаем, говорим, спорим, формируем каждый номер газеты, советуясь с авторами, развертывая дискуссию, полемику, все более широкий диалог читателями.

Задача задача. Оней мы думаем, говорим, спорим, формируем каждый номер газеты, советуясь с авторами, развертывая дискуссию, полемику, все более широкий диалог читателями.

Задача задача. Оней мы думаем, говорим, спорим, формируем каждый номер газеты, советуясь с авторами, развертывая дискуссию, полемику, все более широкий диалог читателями.

Задача задача. Оней мы думаем, говорим, спорим, формируем каждый номер газеты, советуясь с авторами, развертывая дискуссию, полемику, все более широкий диалог читателями.

Задача задача. Оней мы думаем, говорим, спорим, формируем каждый номер газеты, советуясь с авторами, развертывая дискуссию, полемику, все более широкий диалог читателями.

Задача задача. Оней мы думаем, говорим, спорим, формируем каждый номер газеты, советуясь с авторами, развертывая дискуссию, полемику, все более широкий диалог читателями.

Задача задача. Оней мы думаем, говорим, спорим, формируем каждый номер газеты, советуясь с авторами, развертывая дискуссию, полемику, все более широкий диалог читателями.

Задача задача. Оней мы думаем, говорим, спорим, формируем каждый номер газеты, советуясь с авторами, развертывая дискуссию, полемику, все более широкий диалог читателями.

Задача задача. Оней мы думаем, говорим, спорим, формируем каждый номер газеты, советуясь с авторами, развертывая дискуссию, полемику, все более широкий диалог читателями.

Задача задача. Оней мы думаем, говорим, спорим, формируем каждый номер газеты, советуясь с авторами, развертывая дискуссию, полемику, все более широкий диалог читателями.

Задача задача. Оней мы думаем, говорим, спорим, формируем каждый номер газеты, советуясь с авторами, развертывая дискуссию, полемику, все более широкий диалог читателями.

Задача задача. Оней мы думаем, говорим, спорим, формируем каждый номер газеты, советуясь с авторами, развертывая дискуссию, полемику, все более широкий диалог читателями.

Задача задача. Оней мы думаем, говорим, спорим, формируем каждый номер газеты, советуясь с авторами, развертывая дискуссию, полемику, все более широкий диалог читателями.

Задача задача. Оней мы думаем, говорим, спорим, формируем каждый номер газеты, советуясь с авторами, развертывая дискуссию, полемику, все более широкий диалог читателями.

Задача задача. Оней мы думаем, говорим, спорим, формируем каждый номер газеты, советуясь с авторами, развертывая дискуссию, полемику, все более широкий диалог читателями.

Задача задача. Оней мы думаем, говорим, спорим, формируем каждый номер газеты, советуясь с авторами, развертывая дискуссию, полемику, все более широкий диалог читателями.

Задача задача. Оней мы думаем, говорим, спорим, формируем каждый номер газеты, советуясь с авторами, развертывая дискуссию, полемику, все более широкий диалог читателями.

Задача задача. Оней мы думаем, говорим, спорим, формируем каждый номер газеты, советуясь с авторами, развертывая дискуссию, полемику, все более широкий диалог читателями.

Задача задача. Оней мы думаем, говорим, спорим, формируем каждый номер газеты, советуясь с авторами, развертывая дискуссию, полемику, все более широкий диалог читателями.

Задача задача. Оней мы думаем, говорим, спорим, формируем каждый номер газеты, советуясь с авторами, развертывая дискуссию, полемику, все более широкий диалог читателями.

Задача задача. Оней мы думаем, говорим, спорим, формируем каждый номер газеты, советуясь с авторами, развертывая дискуссию, полемику, все более широкий диалог читателями.

В РЕКОМЕНДАЦИИ ОТКАЗАЛИ

Заметки с партийного собрания

Год назад актрису Академического Центрального детского театра Светлану Евгеньевну Харлап пригласили кандидатом в члены партии, права, не единогласно. Еще на партбюро трое из десятых подняли руку за ее руки, на собрании «против» также были несколько человек.

Что ж, это чину не устраивает кандидата. Даже наборот, в какой-то мере представляет личность, вызывающую и себе неоднозначное отношение. Тем важнее, казалось бы, кандидат доказать свое право быть в партии, достойно проходя испытательный срок, используя этот год для переосмысливания самого себя, особенно когда на собрании высказывались товарищеские замечания и советы.

А советы были высказаны весьма определенные: предупредить излишнюю самоуважительность, научиться прислушиваться к людям и подчиняться мнению большинства. Увы, Светлана Евгеньевна этих советов не восприняла. И по истечении кандидатского стажа в партбюро не поступило ее заявление о приеме в члены партии никто из коммунистов Академического Центрального детского театра.

— Я ждал до последнего дня, — сказал мне после собрания секретарь партарханизации Александр Ильинович Хотченков. — Думал, не будет никто из сорок?.. Никто.

Театр — организм особенный. Работа делает людей настолько близкими, что, как в семье, трудно скрыть мгновения проявления чувства. Любая фальшивка, поведение, перекличка настроения, отношения между людьми и каждому из товарищей уделяются там внимание. И оттого всегда видно, насколько искренен человек в словах своих и поступках, каков его истинный характер. В таких коллективах люди обычно синхронизируются друг с другом: легче вроде бы простить и понять языкку, смилить скору, а порой и дурную выходку сплыть на языку несущему тару. Но зато и труднее скрыть подлинного лица.

На том собрании, где обсуждалась информация партбюро об истечении кандидатского стажа С. Харлап, сначала принимали в партию главного художника театра Станислава Бенедиктова. В данных ему рекомендациях, в выступлениях коммунистов значило совсем неформальное: «Он всегда себя отдает искусству», «На редкость и доброжелательный и любимый всеми наши человек».

«Когда такие, как Бенедиктов, идут в партию, и гордятся, что наша организация выполняется порядочными людьми...»

Остановимся на этом понятии порядочности. На XXVII съезде КПСС о нем говорили как об обязательном для коммуниста: член партии обязан «правильность и порядочность» — так говаривал в Уставе КПСС.

Порядочность, как и интеллигентность, одним словом характеризовать трудно. Весьма тонкие качества здесь имеют свое значение, даже такие «хөххөхөх» черты, как то в манера общения. Они могут быть привлекательными, располагающими к себе, и могут оттолкнуть людей друг от друга. Так и произошло с одним из рекомендовавших Светлану Евгеньевну год назад в кандидаты. На собрании он сказал:

— Накануне она подошла ко мне: «Ну ты, конечно, тоже не даешь мне рекомендации? А я и не знал тогда, что двое ей уже отказали...»

Светлана правильно сделала, что даже не попросила рекомендации у меня, — говорил Г. Степанова. — Она чувствовала, что второй раз я не смогу ей дать...

Берюко понимаю, что по поводу такого рода выступления хочется воскликнуть, что это не факт, что все это бездоказательно, один эмоци-

лю. На профсоюзном собрании против кандидатуры С. Харлап проголосовали 112 человек. За — 76. Впрочем, в профкоме не прошли еще одноголосие других из числа внесенных в список для голосования. В коллегии же и сами заблудившиеся открылись и этому склонны, нормально, в духе времени! Выбрали, кого хотели! И никто из десяти не обиделся. Кроме одноголосий — С. Харлап. Она решительно опровергала решение собрания. Написала письмо в КПК.

Прибыла комиссия горкома профсоюза. Выбрали бюллетени. Пересчитывали, перепроверяли. Ошибки не обнаружились, и всем было стыдно, но Светлана Евгеньевна и сегодня считает секретаря партарханизации А. Хотченкова виновником «организованного» голосования. Особенно возмущено было тем, что произошло это именно в нынешнем году:

— Как это так, я прохожу кандидатский стаж, а меня в профком не выбрали!

В том же духе выступала она на последнем собрании, обвиняя секретаря партарханизации в том, что он «не помог ей стать коммунистом».

— «Легитимировал привычку ее людей». Коммунисты же считают, что Светлана Евгеньевна своим письмом, отправленным через голову партарханизации, недобросовестно призывают всех возвращаться к членству, приобретать талант, стерво и видеоплакату.

Соответственно, кто и какую роль в этом сыграл, неясно.

И вдруг оказалось, что никто персонально правом истины в последней инстанции не наделен, что мнения по одному и тому же поводу могут быть разными. Не всем постыдилось этого радоваться. Многие оказались в самом причудливом плена устава партийного собрания на любой случай жизни, что почтувались собой неукротимо. Разрешилось устраивать привычку членства, не имеющую оснований, и если кто-то с ним соглашается, этот «взимчивается».

Призывают действовать в обход своей первичной организации и раньше давалась сеть знать в творческих коллективах.

А когда срабатывало, коллеги помнили плачами и в залу заседаний пересадили вычищая, чьи «руки» помогли.

— Вы поступили непорочно тем самым поставив себя вне своей партийной организации. А ведь другой у вас нет, — сказал на собрании А. Бородин.

Теперь плачь и на товарищ, которые этого год назад дали С. Харлап рекомендацию в партию. Собрание указало рекомендующим коммунистам Г. Степановой, А. Бородину, О. Михайловой, которая недостаточно пропонировала свою принципиальность в ходе прохождения кандидатского стажа С. Харлап.

Сознайся, мы долго были равнодушны и формалистами, в том числе и в процедуре приема в партию, когда вслед за кандидатским стажем сам собой подразумевался автоматический переход в члены КПСС.

На этот раз коммунисты сумели противостоять устоявшимся порядкам. Они проявили излишнюю стремление уберечь коллегию от самой возможности розни, недоверия друг к другу.

— После собрания члены партбюро снова и снова анализировали все выступления.

— Я 27 лет в партии, в такого собрания в нас в театр не помню. И сегодня горжусь своей партийной организацией. Мы перешагнули порог взаимного приятельства, всяческой форы, компромиссов, убедились в единстве коллектива, который за этот год стал на голову выше в своей принципиальности и требовательности, — так заключила это незапланированное заседание партбюро ветеран театра В. Калмыков.

Вот, показалось, и вся история. В ней нет громких фактов, скандальных вспышек, чрезвычайных ситуаций.

Но есть способность и твердость, единодушие и чистота помыслов. Те самые качества, которых недоставляло первичной партийной организации АИДТ всего год назад.

Г. ВЛАДИМИРОВА,
МОСКВА.

—.. Несколько лет подряд С. Харлап выбиралась в профком и поручала ей хлопоты со стороны сектора. Выполняла она свою обязанность, как все называли, добросовестно, но как-то слишком шумно. Коллеги всегда узнавали о ее личных заслугах в производственных кабинетах, в областных конференциях, на областных и всесоюзных съездах.

Вот, показалось, и вся история. В ней нет громких фактов, скандальных вспышек, чрезвычайных ситуаций.

Но есть способность и твердость, единодушие и чистота помыслов. Те самые качества, которых недоставляло первичной партийной организацией АИДТ всего год назад.

—.. Внезапно все перемени-

У ВАС ЕСТЬ КАРТИНЫ?

Вспомнилась вдруг встреча со зрителями, состоявшимися недавно в Государственном художественном музее. Хотя бы потому, что она была, как принято говорить, в «провинции». Но в прекрасном выставочном зале, которому мог бы позавидовать любой областной центр. Но встреча привнесла большая группа художников. Разговор шел прямой, резкий. Он затрагивал самые острые вопросы современного художественного процесса, отношения художника и зрителя, искусства и жизни.

Что скрывать, всем нам бесконечно надоело пресловутые хмузяные тишины и пустынность выставочных залов. Никого больше не устраивает положение, при котором профессионалы хотят смотреть профессионалов, а знатоки понимают лишь «изнтоков». Завершилась выставка. Что дальше происходит с работами? Часть из них приобретается и раздается ученым. Часть из них склоняется к экспозиционным площадкам. Большая часть работ возвращается вновьстворенным багажом в мастерские художников, осужденная на пожизненное заключение на антресолях. Никакие увидеть их снова вспоминает хроники — крах экспозиций.

Многим зрителям, учащимся эстетике восприятие прекрасного. Они перестали ходить на выставки, в музеи, утратили способность к глубокому, неслышанию восприятию искусства, разучились размышлять над ним, прочитывать, углублять мысль художника. Жизнь не чувствует отзвыки кинотеатров и драмтеатров. Тому же, кто пишет картину, не терпит суеты! Забыли, что, воспринимая прекрасное, «душе обязаны трудиться». Не могла не разбраться духовная пустыня в эстетической почве. Из наших домов незаметно и безболезненно исчезли произведения изобразительного искусства, словно перестали существовать, быть предметом эрудионной необходимости.

На вопрос во время встречи в Государственном художественном музее о том, кто из поданных — поднялся только одна рука заведующей выставочным залом Е. Ивановой. Только одна — не весь большой зал. И все... Вот ведь как! не отказалось мы от книг, не утратили пока еще «старомодную привычку и чтению, приобретет талант, стерво и видеоплакату».

Сообщение о том, что изменилось в выставках сороковых, я сочту

—.. Вспомнилось вдруг, что изменилось в выставках сороковых, я сочту

—.. Вспомнилось вдруг, что изменилось в выставках сороковых, я сочту

—.. Вспомнилось вдруг, что изменилось в выставках сороковых, я сочту

—.. Вспомнилось вдруг, что изменилось в выставках сороковых, я сочту

—.. Вспомнилось вдруг, что изменилось в выставках сороковых, я сочту

—.. Вспомнилось вдруг, что изменилось в выставках сороковых, я сочту

—.. Вспомнилось вдруг, что изменилось в выставках сороковых, я сочту

—.. Вспомнилось вдруг, что изменилось в выставках сороковых, я сочту

—.. Вспомнилось вдруг, что изменилось в выставках сороковых, я сочту

—.. Вспомнилось вдруг, что изменилось в выставках сороковых, я сочту

—.. Вспомнилось вдруг, что изменилось в выставках сороковых, я сочту

—.. Вспомнилось вдруг, что изменилось в выставках сороковых, я сочту

—.. Вспомнилось вдруг, что изменилось в выставках сороковых, я сочту

—.. Вспомнилось вдруг, что изменилось в выставках сороковых, я сочту

—.. Вспомнилось вдруг, что изменилось в выставках сороковых, я сочту

—.. Вспомнилось вдруг, что изменилось в выставках сороковых, я сочту

—.. Вспомнилось вдруг, что изменилось в выставках сороковых, я сочту

—.. Вспомнилось вдруг, что изменилось в выставках сороковых, я сочту

—.. Вспомнилось вдруг, что изменилось в выставках сороковых, я сочту

—.. Вспомнилось вдруг, что изменилось в выставках сороковых, я сочту

—.. Вспомнилось вдруг, что изменилось в выставках сороковых, я сочту

—.. Вспомнилось вдруг, что изменилось в выставках сороковых, я сочту

—.. Вспомнилось вдруг, что изменилось в выставках сороковых, я сочту

—.. Вспомнилось вдруг, что изменилось в выставках сороковых, я сочту

—.. Вспомнилось вдруг, что изменилось в выставках сороковых, я сочту

—.. Вспомнилось вдруг, что изменилось в выставках сороковых, я сочту

—.. Вспомнилось вдруг, что изменилось в выставках сороковых, я сочту

—.. Вспомнилось вдруг, что изменилось в выставках сороковых, я сочту

—.. Вспомнилось вдруг, что изменилось в выставках сороковых, я сочту

—.. Вспомнилось вдруг, что изменилось в выставках сороковых, я сочту

—.. Вспомнилось вдруг, что изменилось в выставках сороковых, я сочту

—.. Вспомнилось вдруг, что изменилось в выставках сороковых, я сочту

—.. Вспомнилось вдруг, что изменилось в выставках сороковых, я сочту

—.. Вспомнилось вдруг, что изменилось в выставках сороковых, я сочту

—.. Вспомнилось вдруг, что изменилось в выставках сороковых, я сочту

—.. Вспомнилось вдруг, что изменилось в выставках сороковых, я сочту

—.. Вспомнилось вдруг, что изменилось в выставках сороковых, я сочту

—.. Вспомнилось вдруг, что изменилось в выставках сороковых, я сочту

—.. Вспомнилось вдруг, что изменилось в выставках сороковых, я сочту

—.. Вспомнилось вдруг, что изменилось в выставках сороковых, я сочту

—.. Вспомнилось вдруг, что изменилось в выставках сороковых, я сочту

—.. Вспомнилось вдруг, что изменилось в выставках сороковых, я сочту

—.. Вспомнилось вдруг, что изменилось в выставках сороковых, я сочту

—.. Вспомнилось вдруг, что изменилось в выставках сороковых, я сочту

—.. Вспомнилось вдруг, что изменилось в выставках сороковых, я сочту

—.. Вспомнилось вдруг, что изменилось в выставках сороковых, я сочту

—.. Вспомнилось вдруг, что изменилось в выставках сороковых, я сочту

НА ФОТОКОНКУРС • Н. УБАСЕВ. «На прогулку».

Самостоятельность мысли, ответственность за собственные действия, политическая активность — естественные, казалось бы, вещи. А ведь выглядят неожиданно и ново, когда пробуждаются в нашей молодежи, которую привыкли осаживать и порицать — за безответственность и пассивность.

Но вот начались перемены. Готовы ли мы к ним? Или по-прежнему будем смиходителько поучать?

«Надо было оставить название Брежнева. Это не гордо, это социальный угроз» (выступление Набережных Челнов).

ГИАНТОМАНИЯ, то есть убеждение, что, чем больше по размеру, тем лучше, не только градостроительное закрепление самодовольной монументальности управляющей сверху вини системы, но и подтверждение малости и зависимости живущего в городе человека. Тогда закладывается в проект широкие улицы в две взлетные полосы, по которым удобно пройтись в лиющемся толпе матервской демонстрации, на которую не погибнет просто поглядеть. Тогда расстояние между домами предусматривает не женщины с коляской, спешащей в булочную, а качество обзора многогранников лозунгов на соседних крыльях. И тогда здание горючка партии, само собой разумеется, очень большое, окружается гигантской площадью.

И так ли важно, что находится на этой плошади не может ничего живое — с нее слышат скрещенные ветры, во стихающем во всяком виде ветре, любого жаждущего, ощущить под ногами миллионы этих достало бы на строительство нужных городу школ — сейчас их не хватает для четверти ребят. Детские сады построены только для 61 процента детей, поликлиники — для половины. Пустынное здание огромного горючка, возможно, могло бы хоть отчасти возместить нехватку торговых площадей или других — не менее необходимых.

В полумиллионном (молодом!) городе только три кинотеатра, и сколько ни гонят подростков из подвалов и подъездов — деваться им больше некуда. (Рост подростковой преступности в 1987 году по сравнению с предыдущим — около 18 процентов). А плохо управляемая школой армия детей растет — хоть и не хватает родильных домов. Так ли было невозможна эту демографическую самоидентификацию? Или другие — не менее необходимые.

«Не тяжело ли тебе, Ранс Белзен, чувствовать ответственность за каждого, кто разделен?», смеется, плакуч или поет за эти окна? (Из публицистики начала 80-х, перенесенной в слово сказать, в 1987 году).

«В настоящие времена Белзен и Гильзов находятся под следствием по делу охищении в особо крупных размерах» («Социалистическая индустрия», 15 и 16 апреля 1988 г.). Р. Белзен — бывший первый секретарь Брейневского горючка партии, затем секретарь Татарского обкома партии. Р. Гильзов — бывший председатель Брейневского горисполкома. Вероятно, угодившие за их столом, только и можно было умозаключить: «Получилось так, что члены явили собой пример, как нужно осуществлять демографическую программу на деле...»

Когда недоверчивые горючане, заснув в Набережных Челнах, а проснувшись уже в Брейневе, должны были задумать членом «выразить одобрение» стремительному перенесению, многие с ним смирились в наивной надежде, что вместе со стольным называнием к ним вернется московское снабжение, которым баловали первых строителей. Не вернулось. Привычным движением вынимают хозяйки из кошельков помятые продукты карточки, усточинный запах рыбных консервов встречает ребят в детском саду...

Не просто впитал в себя этот город — «бабовский» брейневского времени — общий для всей страны противоречия и проблемы. Он придал им особую завершенность и выразительность, даже просто внешнюю. И странным было бы предположить, что это пройдет мимо сознания тех, чей молодой антузиям и «комсомольским задором» эксплуатировался на тысячах субботников, плавно переходивших в воскресинки, под пустые обещания скорых благ (в очередь на квартиру стоит теперь по восемь лет).

Имел ли право на подобное заявление (долгий «Бухарин и молодежь: взгляд на 80-х») Валерий Монеев, 25 лет, член КПСС, студент-зачинщик истфака Казанского университета, заместитель секретаря комитета комсомола Намгаслерстроя? Если смотреть смыслом, из города Брейнева, все, разумеется, нет.

Сегодня мы все — кто больше, кто меньше — занялись историей. Даже только эмоциональное к ней отношение — знак принадлежности и тем, кто «против» такого (сталинского ли, брейневского) прошлого, или к тем, кто хотел его продлить. Мы все как бы принимаем участие в массовом голосовании. Но известно, что даже в штыковую идти легче вместе, чем отставать свое мнение в одиночестве. Дежурный спесарь, которого упомянул Монеев, — политический организатор клуба Валерий Пискин (30 лет, член КПСС, студент-зачинщик того же факультета) и его друзья вступили в «голосование», когда оно еще было поимененным.

В Челнах до мелочей предусмотрено удобство схода с конвейера многотонного грузовика. По аналогии конвейерно представлялась и жизнь молодых: завод — собранные (субботники) — общежитие. «Сойти с линии, выплыть из заданного ритма можно было, покинув лицом при slabom свете и сильном шуме диско-стиле. Хотя именно там в свою очередь и подобрались «команды». Пискин, очень скоро стал очевидно, что обмен музыкальными записями духовного вакуума не восполнит. «Надоело жить в тухлятине», — так, может, и грубо, определила начало политического клуба один из его создателей. Февраль 1983 года — дата рождения клуба.

Социальная апатия и безразличие неверия или попытки все же понять — в каком мире и почему ты оказался? Выбор невелик. И пять лет назад его сделали для себя некоторые молодые жители «города будущего», создав собственный политический клуб.

«Я утверждаю, что всякий мыслящий человек не может стоять вне политики». Н. Буров.

ЧТО ЭТО — неожиданный парадокс или, если иметь в виду социальный фон, закономерность: научно-практическая конференция «Н. Бухарин и его роль в истории советского общества», приуроченная к 50-летию со дня расстрела и 100-летию со дня рождения, прошли не где-нибудь в столичной или университетской аудитории, а была проведена молодежным политическим клубом в Набережных Челнах? Может быть, профессиональные истории готовятся к будущим чтениям, как будущими, совещаниям, возможно, ждут какого-либо официального сигнала и начну их проводить

МОЛОДЕЖЬ И ОБЩЕСТВО

ТВ: ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ЭКРАН

**МЫ С ВАМИ,
РЕБЯТА!**

Группа ленинградских десятиклассников из школы № 249 решила выйти на первомайскую демонстрацию с нетрадиционными лозунгами: «Кандидату — по труду!», «Образование — по труду!», «Перестройке — да!, «Мы с Вами, Михаил Сергеевич!»

Сначала их отговаривали. Как вы думаете, под каким предлогом? Гранспартисты, видите ли, были выполнены недостаточно профессионально, «неэстетично». Потом пошли более откровенные аргументы: почему заранее не согласовали? Утром 1 мая ребят не допустили школьную колонну, а когда они пытались пройти с другой колонной, милиционеры силой выставили их из рядов демонстрантов, оставив на память ребятам «поврежденные мятых тканей шеи» (это из официального разъяснения подполковника милиции).

Надо добавить, что за два дня до 1 мая директор школы, как только узнала о заседании десятиклассников, немедленно дала знать в Кировский район партии (это называется у некоторых — «посоветовать»). А работники райкома, сказав, что ничего страшного в деланиях юных политиков нет, тем не менее дали знать в районное управление внутренних дел.

Такая вот история — и обо всех ее перипетиях, о последующей реакции ребят и всех причастных к съемке рассказала Ленинградское телевидение в художественно-публицистической передаче «Питом колесо».

Думается, этот инцидент если не по масштабу, то по своему содержанию, показывает, еще посерьезнее, чем небезызвестная статья ленин-

градки Нины Андреевой: тут было уже не просто идеологическая диверсия против перестройки, а прямое насилие над теми, кто борется за обновление общества. И все методы «противодействия» неподготовленным школьникам — из прошлых времен: и лицензионная подмена «художественных подделок» дела «художественных воров»; и соображения «порядка», и подобострастное доносительство директоров школы, агрессивное и трусливое одновременно, и подхалимская позиция «карманного» секретаря парт организации школы, и самоуверенность подполковника милиции, спокойно выполнявшего беззравственное указание начальства и всеми правдами и неправдами оправдывавшего свою акцию. Все они уверены, что за их спиной — высокое партийное руководство, которое их «не выдаст»! Поэтому главное в этой истории — даже не милиционское рукоприкладство и не неприглядное лицо воспитателей наших идеальных наследников. Главное осталось за кадром.

Совершенно очевидно, что событый совсем не в «художественном оформлении» транслярирован и не в «вызывающем» языке поведения ребят из 10-го «А». Суть в непримитивных некоторыми старшинами товарищами самостоятельности мышления комсомольцев, в мелком подобострастии и перестраховке всех администрирую-

щих участников событий. Эти школьные, милиционские и райкомовские перестраховщики думали вовсе не об общественном порядке и не об обществе — для них, полагают, уверены, что они будут лучше нас и не дадут задушить перестройку. Низкий поклон им от старшего поколения. Я пишу «мы», так как уверен, что меня поддержат многие зрители. Очень интересно узнать, что же в этой связи предпринял Ленинградский обком КПСС. Что думает об этой неприглядной истории Юрий Филиппович Соловьев.

А теперь о том, почему я пишу об этом именно в «Советскую культуру». Разошлись разным программам, острой постановкой вопросов, умением увлекательно подать любой материал Ленинградское телевидение завоевало любовь и признательность всех тех, кто имеет возможность видеть его передачи. Это дело огромной культурной вынужденности: оперативность, вкус, глубокая идея, нешибающая, контакт со зрителем — вот что отличает подлинную культурную ценность телепередач Ленинградского ТВ. На такие передачи не греют развязывая в других студиях, не исключая ЦТ. И надо сказать ленинградские передачи можно более доступными.

И. БЕСЕДИН,
научный сотрудник
МОСКВЫ.

**В БЫВШЕМ ГОРОДЕ
БРЕЖНЕВЕ...**

«Если мы говорим, что молодые города представляют собой как бы модель социалистического образа жизни, то город Брейнев — самый подходящий тому пример» (из публицистики начала 80-х).

Инициатором конференции стала именно в Набережных Челнах в марте этого года.

Для того чтобы оценить труд самодельных историков, экономистов и политологов, надо было бы как минимум читать книги Бухарина, знать источники не в кайзенном изложении учебников, а в оригинале, иметь пятерку в дипломе за хоть какую-то самостоятельность в суждениях о нашей истории, а не за запущенные формулировки о блоках, уклонах, ошибках «врагов» ленинизма. И разве не нелепость исторического масштаба, что настоящий ученик и настольной книгой ребят из клуба стало не отечественное издание, а политическая биография Бухарина, написанная американским исследователем С. Козном? И от него, а не от академического института пришла приветственная телеграмма в адрес конференции...

«Челнине, не занимайся поиском, а непрерывно опровергайся за собственную историю города, связанным с ним», — говорят в Набережных Челнах.

Для того чтобы оценить труд самодельных историков, экономистов и политологов, надо было бы как минимум читать книги Бухарина, знать источники не в кайзенном изложении учебников, а в оригинале, иметь пятерку в дипломе за хоть какую-то самостоятельность в суждениях о нашей истории, а не за запущенные формулировки о блоках, уклонах, ошибках «врагов» ленинизма. И разве не нелепость исторического масштаба, что настоящий ученик и настольной книгой ребят из клуба стало не отечественное издание, а политическая биография Бухарина, написанная американским исследователем С. Козном? И от него, а не от академического института пришла приветственная телеграмма в адрес конференции...

«Челнине, не занимайся поиском, а непрерывно опровергайся за собственную историю города, связанным с ним», — говорят в Набережных Челнах.

Для того чтобы оценить труд самодельных историков, экономистов и политологов, надо было бы как минимум читать книги Бухарина, знать источники не в кайзенном изложении учебников, а в оригинале, иметь пятерку в дипломе за хоть какую-то самостоятельность в суждениях о нашей истории, а не за запущенные формулировки о блоках, уклонах, ошибках «врагов» ленинизма. И разве не нелепость исторического масштаба, что настоящий ученик и настольной книгой ребят из клуба стало не отечественное издание, а политическая биография Бухарина, написанная американским исследователем С. Козном? И от него, а не от академического института пришла приветственная телеграмма в адрес конференции...

«Челнине, не занимайся поиском, а непрерывно опровергайся за собственную историю города, связанным с ним», — говорят в Набережных Челнах.

Для того чтобы оценить труд самодельных историков, экономистов и политологов, надо было бы как минимум читать книги Бухарина, знать источники не в кайзенном изложении учебников, а в оригинале, иметь пятерку в дипломе за хоть какую-то самостоятельность в суждениях о нашей истории, а не за запущенные формулировки о блоках, уклонах, ошибках «врагов» ленинизма. И разве не нелепость исторического масштаба, что настоящий ученик и настольной книгой ребят из клуба стало не отечественное издание, а политическая биография Бухарина, написанная американским исследователем С. Козном? И от него, а не от академического института пришла приветственная телеграмма в адрес конференции...

«Челнине, не занимайся поиском, а непрерывно опровергайся за собственную историю города, связанным с ним», — говорят в Набережных Челнах.

Для того чтобы оценить труд самодельных историков, экономистов и политологов, надо было бы как минимум читать книги Бухарина, знать источники не в кайзенном изложении учебников, а в оригинале, иметь пятерку в дипломе за хоть какую-то самостоятельность в суждениях о нашей истории, а не за запущенные формулировки о блоках, уклонах, ошибках «врагов» ленинизма. И разве не нелепость исторического масштаба, что настоящий ученик и настольной книгой ребят из клуба стало не отечественное издание, а политическая биография Бухарина, написанная американским исследователем С. Козном? И от него, а не от академического института пришла приветственная телеграмма в адрес конференции...

«Челнине, не занимайся поиском, а непрерывно опровергайся за собственную историю города, связанным с ним», — говорят в Набережных Челнах.

Для того чтобы оценить труд самодельных историков, экономистов и политологов, надо было бы как минимум читать книги Бухарина, знать источники не в кайзенном изложении учебников, а в оригинале, иметь пятерку в дипломе за хоть какую-то самостоятельность в суждениях о нашей истории, а не за запущенные формулировки о блоках, уклонах, ошибках «врагов» ленинизма. И разве не нелепость исторического масштаба, что настоящий ученик и настольной книгой ребят из клуба стало не отечественное издание, а политическая биография Бухарина, написанная американским исследователем С. Козном? И от него, а не от академического института пришла приветственная телеграмма в адрес конференции...

«Челнине, не занимайся поиском, а непрерывно опровергайся за собственную историю города, связанным с ним», — говорят в Набережных Челнах.

Для того чтобы оценить труд самодельных историков, экономистов и политологов, надо было бы как минимум читать книги Бухарина, знать источники не в кайзенном изложении учебников, а в оригинале, иметь пятерку в дипломе за хоть какую-то самостоятельность в суждениях о нашей истории, а не за запущенные формулировки о блоках, уклонах, ошибках «врагов» ленинизма. И разве не нелепость исторического масштаба, что настоящий ученик и настольной книгой ребят из клуба стало не отечественное издание, а политическая биография Бухарина, написанная американским исследователем С. Козном? И от него, а не от академического института пришла приветственная телеграмма в адрес конференции...

«Челнине, не занимайся поиском, а непрерывно опровергайся за собственную историю города, связанным с ним», — говорят в Набережных Челнах.

Для того чтобы оценить труд самодельных историков, экономистов и политологов, надо было бы как минимум читать книги Бухарина, знать источники не в кайзенном изложении учебников, а в оригинале, иметь пятерку в дипломе за хоть какую-то самостоятельность в суждениях о нашей истории, а не за запущенные формулировки о блоках, уклонах, ошибках «врагов» ленинизма. И разве не нелепость исторического масштаба, что настоящий ученик и настольной книгой ребят из клуба стало не отечественное издание, а политическая биография Бухарина, написанная американским исследователем С. Козном? И от него, а не от академического института пришла приветственная телеграмма в адрес конференции...

«Челнине, не занимайся поиском, а непрерывно опровергайся за собственную историю города, связанным с ним», — говорят в Набережных Челнах.

Для того чтобы оценить труд самодельных историков, экономистов и политологов, надо было бы как минимум читать книги Бухарина, знать источники не в кайзенном изложении учебников, а в оригинале, иметь пятерку в дипломе за хоть какую-то самостоятельность в суждениях о нашей истории, а не за запущенные формулировки о блоках, уклонах, ошибках «врагов» ленинизма. И разве не нелепость исторического масштаба, что настоящий ученик и настольной книгой ребят из клуба стало не отечественное издание, а политическая биография Бухарина, написанная

